

То, что он попал в класс ЖАБА к Снейпу, должно было сделать его счастливым или хотя бы немного самодовольным. Но этого не произошло. Он должен был чувствовать себя взволнованным или хотя бы немного воодушевленным от того, что у него еще есть шанс стать Мракоборцем. Но этого не произошло. Станным образом, вернувшись на Тисовую улицу, Гарри добился того, чего хотел в ночь смерти Сириуса: он больше не мог видеть, чтобы чувствовать. Ничего.

Даже когда вчера в "Ежедневном пророке" появились новости о неистовых попытках министра Фаджа набрать новых Мракоборцев для охраны тюрьмы Азкабан после того, как дементоры покинули ее, он ничего не почувствовал. Ни страха, ни гнева, ни даже вины за слабые попытки Фаджа объяснить прошлогодние события (в частности, почему он не прислушался к предупреждениям Гарри и профессора Дамблдора о том, что Волан-де-Морт вернулся).

Внутри Гарри осталась лишь тихая апатия, близкая к хмурости. Но серое безразличие (как туманный дождь, падающий на него сейчас) было все же лучше, чем агония горя и ярости, которые сжигали его внутренности в первые дни, когда наступил рассвет в этом ужасном новом мире без Сириуса.

Решив, что его эссе по Зельеварению настолько идеально, насколько он мог его сделать, Гарри вышел на улицу. Может быть, он отправит его Гермионе, чтобы та внесла исправления; это может успокоить её или обеспокоить тем, что он продвинулся в учёбе дальше, чем она.

Сначала он сидел на ступеньках перед домом, пока не вышла тётя Петуния и не сказала ему: "Если ты собираешься сидеть весь день, будь добр делать это в заднем саду, чтобы соседи тебя не видели".

Так Гарри просидел под дождем с трех часов дня до семи вечера, молча и без движения, стараясь (и безуспешно) не думать о Сириусе.

Услышав, что тетя Петуния зовет на ужин в семь, он встал и пошел в дом, на ее скандальное восклицание: "Ты весь мокрый! Иди наверх и переоденься в сухую одежду, пока не испортил ковер или не заболел! О чем ты только думал?!"

Гарри поднялся наверх, надел сухие голубые джинсы и один из джемперов миссис Уизли (признаться, ему было холодно) и вернулся вниз, чтобы помочь накрыть на стол. Все это он проделал в своем обычном молчании.

Когда они сели ужинать, дядя Вернон посмотрел, как Гарри без дела ковыряется в ростбифе, и заметил: "Тощий стильный среди вас, или вы потеряли вкус к нормальной еде?"

Гарри моргнул и поднял глаза, удивлённый тем, что дядя действительно заметил отсутствие у него аппетита, а затем просто пожал плечами и отправил в рот вилку с мясом. Тетя Петуния зашипела: "Молодой человек, не думайте, что угрозы вашей партии позволят вам избежать наказания за нахальное поведение!"

Гарри проглотил еду, не отрывая глаз от тарелки, и пробормотал: "Простите". Тетя, дядя и кузен нахмурились, но он не удивился. Его голос звучал странно даже для него самого: он так редко им пользовался. Это просто... не стоило усилий.

Дядя Вернон прочистил горло. "Я хотел поговорить с тобой", - сурово сказал он. Гарри почувствовал кратковременное желание застонать. "Мы с твоей тетей решили, что в каком бы состоянии ты ни находился, мы не намерены позволить тебе продолжать эту неделю так же, как прошлую". Гарри хмуро уставился в свою тарелку и ничего не ответил. Он думал, что они будут в восторге от его молчания. Дядя Вернон продолжил: "Что бы ты ни дулся, это не оправдание для такого отсутствия уважения. Так что твои манеры должны быть в порядке, иначе, какие бы угрозы ни выдвигала твоя партия, я лишу тебя привилегии позволять практиковать свои фокусы под этой крышей. Понятно?"

Гарри вздохнул, заставляя себя поднять глаза. "Да, дядя Вернон". Он выдержал их взгляды, пока они не показались ему довольными, а затем опустил глаза и полусерьезно продолжил есть.

Дадли закатил глаза на Гарри. "Что тебя гложет? Летние каникулы, а ты ведешь себя так, будто кто-то умер!"

Кусок ростбифа превратился в пепел во рту Гарри. Прошло несколько минут, прежде чем он смог сглотнуть, но как только он это сделал, он холодно посмотрел на своего кузена. "Кто-то умер. Могу я откланяться?" Не дожидаясь ответа тети Петунии, он подхватил свою тарелку и понес ее на кухню.

Свернувшись калачиком на полу своей комнаты рядом с кроватью, Гарри сидел над двусторонним зеркалом Сириуса. Он разбил его, когда оно не работало в Хогвартсе, но починил с помощью своей палочки в тот же день, когда вернулся на Тисовую улицу. И с тех пор каждый вечер он смотрелся в него и звал Сириуса.

"Сириус Блэк".

Тишина. Один удар сердца. Потом еще один.

Ничего.

Гарри должен был разозлиться, как в Хогвартсе. Он должен был быть разочарован, или опечален, или, по крайней мере, его сердце должно было ускориться в ожидании. Но этого не произошло. В зеркале на него смотрело только его лицо, немного осунувшееся от стремительно теряемого веса, и почти без цвета, за исключением зелени глаз. Его глаза выглядели пустыми и безнадежными, что было вполне логично, ведь именно так чувствовал себя Гарри.

Пророчество, которое Волан-де-Морт заманил Гарри в Министерство, чтобы получить - и не

получил, но ценой жизни Сириуса, - гласило, что только Гарри обладает силой, способной победить Темного Лорда. И что один из них должен умереть от руки другого. Так что либо Гарри будет убит Волан-де-Мортом... либо Гарри придется стать тем, кто убьет его. А Гарри уже не мог собраться с силами, чтобы заботиться об этом.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/115890/4553084>